

ПЕРВЫЕ ПРАВИТЕЛИ ВКЛ В ОТРАЖЕНИИ СФРАГИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Риер Я. А.

Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Аннотация. Данная статья посвящена анализу сфрагистических материалов, относящихся к ранней истории ВКЛ, как одному из основополагающих источников в контексте анализа идентификации и самоидентификации правителя в обществе в процессе государствообразования. Изучение печатей первых правителей ВКЛ может являться неотъемлемой частью исследования механизмов институционализации власти монарха в раннем государстве.

Ключевые слова: сфрагистика, ВКЛ, правитель, титулатура, институционализация, власть.

Summary. The article deals with the analysis of the sphragistic materials connected with the early history of the Grand Duchy of Lithuania. They can be one of the main sources in the context of a ruler's identity and self-identity analysis during the investigation of state formation processes. The research of the seals of the first rulers of the Grand Duchy of Lithuania can be an initial part of the investigation of the main mechanisms of a ruler's power institutionalization in an early state.

Keywords: sphragistics, the Grand Duchy of Lithuania, a ruler, titular, institutionalization, power.

Исследуя процессы государствообразования, а также занимаясь изучением вопросов, связанных с институционализацией власти в ранних государствах, историки зачастую ограничиваются анализом нарративных источников и имеющихся в них сведений, разрозненных и противоречивых. Особенно это касается ранних этапов становления государств, в том числе Великого Княжества Литовского [далее: ВКЛ], история которого в XIII–XIV вв. черпается из различных летописных традиций и представляет собой весьма разрозненные по структуре, оригинальности и времени создания нарративы. Вместе с тем пристальное внимание при изучении вопросов, связанных с титулатурой первых правителей ВКЛ, а также их идентификацией и самоидентификацией в обществе, заслуживают сфрагистические материалы, являющиеся непосредственным отражением процессов, происходивших в изучаемую эпоху.

Изучая вопрос идентификации первых правителей ВКЛ, нашедшей отражение в сфрагистических источниках, необходимо отметить наличие двух исторических традиций. С одной стороны, сохранялись местные традиции геральдических знаков, с другой – имело место привлечение западноевропейских элементов [1, с. 13]. Если в древнерусский период на белорусских землях активно использовались элементы византийской традиции, то после принятия правителями ВКЛ католичества появились западноевропейские элементы и латинский шрифт на печатях.

Первая печать, известная в историографии, относится еще ко времени правления Миндовга и была найдена на дарованной грамоте Немецкому Ордену. Несмотря на то, что ее подлинность вызывает сомнения исследователей, даже возможная подделка ярко свидетельствует о наличии подобного атрибута власти у первого правителя ВКЛ, а также о том, что соседние государства признавали легитимность главы данного государственного образования, а также подтверждает принципиальное наличие у него такого символа власти. Так, на печати изображен Миндовг, сидящий на троне с регалиями, характерными для правителя той эпохи [1, с. 10].

Неоспоримым является наличие подобных знаков отличия для правителей ВКЛ последующей эпохи. Гедимин пользовался печатью с изображением конного рыцаря и копья. Причем с конца XIV в. этот сюжет стал одним из самых популярных элементов, используемых на гербовых печатях представителей правящей династии [2, с. 153].

В целом печать имела определенное сакральное и смысловое значение. По сведениям Хроники Литовской и Жемойтской она являлась одним из неодолимых атрибутов во время коронации, возведения на престол. Летописец, описывая коронацию Витовта, писал: «*В костеле светаго Станислава в замку Виленском... подвышоный Витолт... печать княжую отдавал, ведлуг звычайу...*» [3, с. 40]. Таким образом, присутствие печати среди необходимых для ритуала коронации атрибутов свидетельствует о том, что она являлась символом власти и символом юридической легитимности правителя. Причем князья, принявшие католичество, первыми стали использовать печати с латинским шрифтом. А некоторые из них одновременно использовали как печати с латинскими, так и с кириллическими надписями. Как пример можно привести младшего сына Ольгерда Свидригайло или сына Кейстута Жигимонта [3, с. 34].

Отдельно хотелось бы выделить тронную печать Витовта, которая была зафиксирована на документах 1407, 1412–1430 гг. На печати изображение самого князя с митрой на голове, в правой руке – берло, в левой – щит с гербом «Погоня» [1, с. 141]. В этой связи необходимо отметить, что гербу отводилось особое внимание на любой печати или иных государственных, княжеских символах. Герб правителя являлся по сути отражением самоидентификации его как наследника правящей династии в обществе, а также идентификации его в глазах современников как представителя властной структуры. Герб ВКЛ возникал не просто как светский геральдический атрибут, но как важнейший элемент культуры и традиции. Претензии на суверенитет Витовтом весьма красноречиво отражают надписи на его малых печатях с изображением герба Погони. Первый тип малой конной печати использовался Витовтом с 1407 по 1419 г., второй – с 1414 по 1418 г., третий – с 1420 по 1430 г. На всех печатях изображен конный всадник с занесенным мечом в правой руке и изображением знака «Колюмны» на щите на левой руке. Самое главное – надписи. Если на печати первого типа Витовт титулован просто как князь Литовский, то уже на второй – «Божьей милостью князь Литвы». На печати же третьего типа помещена надпись следующего содержания: «Божьей милостью Великий князь Литвы». Таким образом, Витовт представлялся не просто князем, а верховным суверенным властелином. Властью своей он был обязан не Ягайле, польскому королю, а самому Богу. Как известно, знать ВКЛ после заключения Салинского мирного договора торжественно провозгласила его «королем Литвы и Руси», постоянно подчеркивая, что нобили ВКЛ свободны в своем выборе, не уступают по знатности полякам и не являются их слугами, а их верным сюзереном является великий князь Витовт [4, с. 237–240; 5, с. 195].

На развитие геральдической традиции ВКЛ оказали влияние несколько исторических общностей. Во-первых, литовско-белорусские земли в этот период времени имели тесные контакты с Западной Европой, включая Немецкий Орден с его сложившейся иерархией рыцарства. Для данной традиции было характерно портретное изображение князя на троне, или на лошади, или пешего. Вместе с тем, внутри самого государства – ВКЛ – были сильны исторически сложившиеся тенденции древнерусской геральдической культуры. Об этом свидетельствуют не только кириллические надписи, но и изображения клеймового типа [6, с. 153].

Вместе с тем, преобладающей оказалась западноевропейская традиция, что было обусловлено внешнеполитическими

условиями, в которых развивалось ВКЛ, а в частности – заключением Кревской унии. С этого момента можно говорить об усилении западноевропейских геральдических традиций и о преобладании изображения конного рыцаря с мечом. Вообще, по мнению ряда исследователей, образ святого всадника появился еще в XIII в. в процессе складывания ВКЛ, но корни его относились к еще более древней традиции. Одним из наиболее важных источников появления такого символа на государственном гербе могла стать византийская христианская традиция, которую в определенной мере приняли первые правители нового государства [7, с. 293]. Одной из самых могущественных фигур данной традиции издавна считался Святой Георгий, или Георгий Победоносец. Его культ был широко распространен на территории Восточной Европы, и неудивительно, что традиция его восхваления и почитания была заимствована, пусть и в видоизмененной форме, первыми литовскими князьями [1, с. 138].

Нельзя недооценивать и западноевропейское влияние на складывание местных геральдических символов. На территории Западной Европы печать с изображением наездника появилась, по мнению польского исследователя геральдики и сфрагистики С.К. Кучинского, с XI в. Рыцарь на коне, скачущий на лошади, с мечом или другим оружием в руке, часто являлся иконографическим отображением образа князя («dux») [1, с. 131]. В обычаях того времени изображения рыцаря-всадника на лошади могла играть роль символа готовности к сражению за правое дело. Именно в этом виде они появлялись на печатях и монетах. В процессе развития геральдики всадник был положен в основу династического герба Гедиминовичей. При этом изображение всадника с поднятым копьём или копьём наперевес было достаточно распространено среди представителей династии Гедиминовичей. Такую печать использовал князь Глеб Наримонт, Семен Лугвений Мстиславский. Владимир Ольгердович, Жыгимонт Кейстутович и Юрий Наримонтович Пинский также использовали на своих печатях изображение с всадником. На печати Юрия Наримонтовича всадник синонимичен Святому Георгию, который поражает дракона. Михаил Явнутьевич использовал печать с изображением Льва, обобщенного геральдического символа Руси и метафорического изображения Христа [4, с. 242; 8, с. 45–46].

Вместе с тем, нельзя говорить об окончательном формировании геральдического концепта власти для конца XIV в. Доказательством этому служит неустойчивость гербового изображения Ягайло, которая могла варьироваться.

Таким образом, сфрагистические источники являются одним из немаловажных средств, способствующих более глубокому пониманию политических процессов, происходивших на землях ВКЛ в процессе становления государственности, а также могут пролить свет на вопрос о самоидентификации и идентификации его первых правителей. Особо пристальное внимание при этом следует уделить геральдической традиции, нашедшей отражение на тех или иных печатях.

Литература:

1. Цітоў, А. Сфрагістыка і геральдыка Беларусі / А. Цітоў. – Мінск : РІВШ БДУ, 1999. – 176 с.
2. Шаланда, А. Генезіс «Пагоні» – дзяржаўнага герба Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага / А. Шаланда // *Białoruskie zeszyty historyczne*. – Białystok, 2001. – № 16. – S. 152–158.
3. Цітоў, А. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфрагістыкі / А. Цітоў. – Мінск : Польша, 1993. – 239 с.
4. Полехов, С. В. Несохранившаяся печать князя Александра Патрикеевича Стародубского / С. В. Полехов // *Средневековая нумизматика Восточной Европы*. – 2017. – № 6. – С. 236–244.
5. Полехов, С. В. Последние завещания Василия I и печати Витовта / С. В. Полехов // *Средневековая Русь* / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; ред. А. А. Горский (отв. ред.) [и др.]. – М., 2016. – Вып. 12. – С. 183–200.
6. Дзярновіч, А. І. Тытул Вялікіх князёў Літоўскіх: дзе месца рускай традыцыі? / А. І. Дзярновіч // *Ukraina Lithuanica*. – 2013. – Т. 11. – С. 61–81.
7. Алпатов, М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси / М. В. Алпатов // *Труды отдела древнерусской литературы*. – М., Л. : Издательство АН СССР, 1956. – Т. 12. – С. 292–310.
8. Сідаровіч, В. М. Пячатка князя Глеба Нарымонта XIV ст. з в. Стары Капыль / В. М. Сідаровіч, А. Ф. Касюк / *Беларуская даўніна*. Вып. 3 / ред. Ю. М. Мікульскі. – Мінск : выдавец А. М. Вараксін, 2016. – С. 45–47.